

В столовой было установлено много раковин, чтобы дети с малых лет привыкали сами мыть свои тарелки.

Когда Цзи Сюнь, опустив глаза, мыла тарелку, к ней подошёл кто-то:

— Эй, помой за меня.

Это был мальчик с тёмной кожей, выглядевший чуть старше Цзи Сюнь.

Он с силой поставил свою тарелку перед ней.

Цзи Сюнь выглядела очень послушно: кожа белая с румянцем, глаза яркие и чистые, моргая, она могла растопить любое сердце.

Она подняла взгляд на мальчика, и его лицо покраснело, но он всё равно нагло сказал:

— Я велел помыть за меня, ты слышала?

Цзи Сюнь медленно опустила глаза и тихо произнесла:

— Учительница сказала, каждый моет сам.

Рядом раздался смех:

— Ши Кай, ты слабак. Даже с первоклашкой не справился.

— Давай, возвращайся, не обижай маленькую девочку. А то она заплачет и пожалуется учительнице, а тебе опять писать объяснительную и стоять в углу.

Ши Кай усмехнулся:

— Отвалите. Я просто попросила её помыть тарелку, что такого.

Он наклонился к Цзи Сюнь и грубо спросил:

— Как тебя зовут? Раньше не видел.

Она действительно симпатичная.

Он учился в третьем классе и, казалось, уже знал всех девочек в начальной школе, но эту видел впервые. Наверное, она сегодня новенькая в первом классе.

Цзи Сюнь опустила голову и не ответила.

— Тсс! Малышка не хочет с тобой разговаривать, видишь? — засмеялись его друзья.

Ши Кай, не получив ответа, расстроился.

Он очень дорожил своим авторитетом, и, будучи проигнорированным, начал злиться:

— Я с тобой разговариваю, ты слышишь?

Он повысил голос, и дети у раковин обернулись.

Цзи Сюнь смыла с тарелки моющее средство, закрыла кран и собралась уходить.

Обычно она бы ответила вежливо, но сегодня просто не хотела разговаривать.

Она ведь оказалась в книге, став наивной простушкой, которой нужно покорить мерзкого главного героя. У неё совсем не было настроения ссориться с мальчишками.

Сюньсюнь чувствовала себя невероятно обиженной и поэтому молчала.

Когда вокруг собралось больше зрителей, Ши Кай, будучи обидчивым, почувствовал себя униженным. Он пнул стул в столовой и прошипел:

— Я велел помыть мою тарелку, ты слышала?

Шум привлёк внимание, и кто-то подошёл.

Стул пролетел метр и остановился прямо перед худощавой фигурой.

Шум в толпе внезапно стих, словно кто-то нажал на паузу.

— Ши Кай, Ши Кай... ты кого-то задел, — кто-то шепнул ему, отчаянно подмигивая.

Безумие, стул полетел не на восток и не на запад, а прямо перед этим человеком. Неизвестно, не больно ли ему было.

Цзи Сюнь заметила изменения в толпе и с любопытством моргнула.

Учитель пришёл?

Она подняла взгляд.

На свету она увидела лишь девушку с слишком бледной кожей, стоящую в толпе.

Она держала одну ножку стула, волоча его по полу, и медленно подняла глаза, направляясь сюда.

Стул скрипел, скребя по полу.

Ши Кай поднял голову, чтобы огрызнуться:

— Я же не специально...

Его слова замерли на губах, и надменное выражение лица сменилось на явную неуверенность, когда он увидел, кто это:

— Вэньжэнь Цин?

«Чёрт, как я мог в неё врезаться!»

Для Ши Кая Вэньжэнь Цин, несмотря на её безобидный вид, была страшнее любого парня.

Не смотри на то, что она выглядела тихой и спокойной, словно фея, на самом деле...

Ши Кай учился с ней в одном классе и видел, как она выходила из себя. Она была из тех, кто молча, но беспощадно уничтожает тебя.

Если она взбесится, он сегодня погибнет.

Ши Кай инстинктивно отступил на полшага, глядя, как Вэньжэнь Цин тащит стул, и поднял руки в знак капитуляции:

— Я виноват, это я виноват, только не злись.

Он дрожал от страха, медленно подошёл, чтобы забрать стул у Вэньжэнь Цин:

— Я поставлю его на место, ладно, бабушка, я поставлю?

Он вдруг стал таким покорным, но окружающие не смеялись.

Столкнувшись с Вэньжэнь Цин, никто не хотел связываться.

Грубияны боятся тех, кто не боится смерти, и Вэньжэнь Цин была именно такой. Она страдала серьёзным заболеванием сердца и, казалось, не должна была злиться, но, взорвавшись, могла схватить стул и вступить в драку.

При этом её семья была самой богатой из них, с огромным влиянием.

Последний, кто разозлил Вэньжэнь Цин, сам оказался в больнице, а потом ещё и извинялся перед ней, когда у неё случился сердечный приступ. Потому что её семья была местной властительницей в Сянчэне.

И, кстати, это были её родители, которые лично пришли с извинениями.

Как бы то ни было, Вэньжэнь Цин была любимицей учителей, лучшей ученицей.

Но при этом у неё был взрывной характер, совершенно не соответствующий её хрупкому телу.

И главное, в драках она не уступала! Она, чёрт возьми, ещё и занималась свободным боем и тхэквондо!

Разве это не бесит? Ты не можешь её победить, а потом ещё и извиняешься перед ней.

К счастью, Вэньжэнь Цин обычно не начинала первой, только если ситуация касалась её лично.

Ши Кай поставил стул на место и поклонился Вэньжэнь Цин:

— Прости! Это моя вина! Я случайно тебя задел!

Он извинялся с предельной искренностью.

Цзи Сюнь смотрела на это с удивлением.

Только что он был таким наглым, и, хотя учителя не было, он извинился только потому, что подошла Вэньжэнь Цин?

Она смотрела своими яркими миндалевидными глазами на приближающуюся Вэньжэнь Цин, чувствуя сложные эмоции.

Оказывается, второстепенная героиня из книги с детства обладала такой подавляющей аурой.

Но...

Когда та самая Черносердечный Лотос из книги стояла перед ней, живая и говорящая, это ощущение было совсем не таким, как при чтении романа.

Цзи Сюнь стояла, как вкопанная, и, когда Вэньжэнь Цин подошла, почувствовала неловкость, не зная, куда деть руки.

Искренние извинения Ши Кая сработали.

Маленькая бабушка не собиралась больше наказывать.

Вэньжэнь Цин опустила веки и разжала пальцы.

Ши Кай, поставив стул, с расстройством взял тарелку, которую поставил перед Цзи Сюнь, и пошёл мыть её под краном.

У него больше не было настроения приставать к симпатичной девочке.

Зрители, увидев, что зрелище закончилось, постепенно разошлись.

Уходя, они оглядывались на Вэньжэнь Цин. Не знавшие, что произошло, спрашивали.

— Это была Вэньжэнь Цин из третьего класса? Что случилось, кто опять её разозлил?

— Ши Кай приставал к первокласснице, и Вэньжэнь Цин пострадала.

— Ох, испугался. Хорошо, что она не взорвалась.

— Но Вэньжэнь Цин не такая уж вспыльчивая, правда? В прошлый раз она взорвалась только после долгих провокаций. А тут её просто случайно задела, может, она защищает ту девочку?

— Ты многого хочешь. У Вэньжэнь Цин такой характер? Если ты упадёшь, она не вызовет скорую, а просто перешагнёт через тебя, как будто ничего не произошло.

— Тоже верно. Вэньжэнь Цин очень холодная, странная.

...

Толпа разошлась, но Вэньжэнь Цин не уходила.

Солнце через окно столовой освещало её фигуру.

Она опустила глаза, её пальцы были тонкими, а кости длинными.

Будущая жестокая Черносердечный Лотос сейчас была всего лишь девочкой, чуть старше неё. Она держала тарелку и молча мыла её.

Цзи Сюнь моргнула, и в голове медленно возникла такая мысль.

В прошлый раз на вилле Сяншань она не заметила, но Вэньжэнь Цин была немного выше её.

Вспомнив, что произошло, она медленно подошла и тихо спросила:

— Тебе больно?

Стул, который мальчик пнул, похоже, попал в Вэньжэнь Цин. Удар выглядел сильным.

Сюньсюнь, которой было чуть больше шести, даже при всей серьёзности её выражения, говорила с детской мягкостью.

Двойные хвостики на голове игриво покачивались.

Один из кончиков хвостика коснулся руки Вэньжэнь Цин.

Это ощущение было лёгким, словно ветерок коснулся сердца.

Вэньжэнь Цин остановилась, подняла на неё взгляд, но лицо оставалось бесстрастным. Она ничего не сказала.

Цзи Сюнь снова спросила:

— Этот стул больно ударяет, наверное, останется синяк. Если больно, можем пойти в медпункт.

Она действительно заботилась.

Её маленький ротик быстро выговаривал слова, убеждая пойти к врачу.

<http://bllate.org/book/16860/1552431>